

Табел Гусев

ВЕРНОСТЬ

12+

Павел Гусев

Верность

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гусев П. П.

Верность / П. П. Гусев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Читая эти рассказы, чувствуешь, что, несмотря на описанные в них тяжелые военные годы, все они написаны с особенной добротой, теплотой, искренностью и нежностью, которые уже не так часто встречаются в наше время. Каждая из этих историй очень трогательна и эмоциональна. Автор вложил в них все свои чувства и переживания, которые передаются и нам с каждой прочитанной строчкой, никого не оставляя равнодушным.

Содержание

Русский хлеб	7
Сословие	9
Материнская сила	17
Хлеб с маслом	20
Осуществление мечты	26
Будильник	30
Маленькая история из большой жизни	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Павел Гусев Верность

П. Гусев

Русский хлеб

Фёдор Пекарь ещё мальчиком, с Гражданской войны, любил запах хлеба. Скорее всего, потому, что хлеба Фёдору никогда не хватало. И он часто ходил к хлебозаводу – подышать ароматом выпечки. Жизнь шла, менялась, а Фёдор по-прежнему оценивал её по хлебу: если его не было, жизнь становилась плохой. И он с родителями скитался по городам в поисках лучшей доли: а она была там, где был хлеб. Через много лет хлеба стало вдоволь. Но родителей уже не было, от старости они ушли в мир иной.

И Фёдор, будучи уже подростком, пошёл работать на хлебозавод. Вначале был подсобным рабочим, затем вырос и до мастера. Он хорошо знал своё дело: хлеб у него получался пышный, сдобный, с приятным запахом – сразу появлялось желание его отведать. Многие, с кем работал Фёдор, старались выпечь такой же, но у них не получалось и они говорили:

– У него настоящий дар – выпекать вкусный хлеб! Ему и фамилия помогает!

Со временем Фёдор, продолжая работать на заводе, женился на сотруднице, был счастлив с ней. Каждый год у неё рождалось по мальчику: крепкие, упитанные.

– Это они у меня такие от хорошего хлеба! – смеялся Фёдор.

Но однажды счастливая, мирная жизнь оборвалась: на Родину вероломно напала фашистская Германия.

А вскоре Фёдора призвали на войну. Ему выдали армейское обмундирование, а затем вместе со всеми отправили в пригородную зенитную часть и определили подносчиком снарядов. В первый же день его расчёт отразил атаку вражеских самолётов.

Прошёл месяц, наступило затишье. Как-то зенитчики расположились на отдых. Фёдор лежал и думал: «Как там живут детишки, жена, есть ли у них хлеб?» И он решил: «Дом недалеко, навешу их и вовремя возвращусь, никто и не увидит». Встал и пошёл.

Вскоре добрался до дома. Жена от счастья плачет, детишки от радости на нём виснут. Поставили на стол пыхтящий паром чайник, сахарницу с несколькими кусочками сахара и хлеб – сухой, порезанный на маленькие кусочки и ничем не пахнущий. Но не успел Фёдор отпить глоток чая, как вошёл военный патруль:

– Дезертир! – сказали военные и поволокли его на улицу.

Жена бросилась за ними, дорогу загородила, за ней детки гуськом, и всё кричат:

– Не пустим!

Тут мимо автомобиль чёрный проезжал. Остановился, а из него генерал выглянул и спрашивает:

– Что случилось?

– Да вот, приказано дезертира задержать и перед строем расстрелять!

– Что же ты, солдат, такое натворил? – спрашивает Фёдора генерал.

– Моя воинская часть неподалёку, – стал оправдываться Фёдор, – вот я и решил семью навестить, узнать, как они тут без меня, есть ли у них хлеб? Хлеб – всему голова, если его нет – жизнь плоха.

– Почему ты так думаешь? – прервал его генерал.

– А я до службы хлеб пёк и знаю!

Вспомнил генерал, что совсем недавно он ещё ел душистый хлеб, а сейчас он уже совсем не такой, и заинтересовался солдатом.

– Как фамилия твоя?

– Пекарь, товарищ генерал! – отчеканил Фёдор.

– Я фамилию спрашиваю, а не специальность! – не понял генерал.

– А у меня и фамилия, и специальность одинаковые!

Помолчал генерал, а затем произнёс:

– Видно, тебе не сказали, что из части уходить нельзя – это преступление! – и приказал офицерам: – Солдата направить в штрафную роту, а о семье пусть не беспокоится!

И попал Фёдор на передовую. Штрафники первыми атаковали огневые точки врага, а за ними шла пехота.

Так прошло два года. Многие сослуживцы Фёдора погибли, а он остался жив. Но его никогда не покидала мысль о семье и о хорошем хлебе. Тот, что им давали на войне, и хлебом-то назвать было нельзя. И когда во время затишья рассеивалась пороховая гарь, чувствовался свежий воздух и запах цветов, Фёдор думал: «Вот с каким ароматом надо выпечь хлеб!»

Однажды, ожидая очередного приказа роте идти в наступление, Фёдор с грустью размышлял о том, что даже после артподготовки неприятельские дзоты встретят бойцов ливнем огня и вряд ли он вернётся домой.

Тут всем штрафникам принесли паёк: консервы и буханки хлеба – недопечённого, почти сырого. Фёдор нашёл большой лист железа, затащил в окоп, разжёг под ним огонь – так, чтобы фрицы не увидели, и стал колдовать над хлебом. Разрезал его вдоль, из открытых консервных банок вылил масло, сорвал какой-то травки, и всё это распределил на раскалённом листе. И тут аромат свежего хлеба разнёсся, казалось, по всей земле! Appetit у всех бойцов появился небывалый, а когда поели, – и сил прибавилось.

И вот удивительно: противник, ранее постреливающий, замолк. А когда штрафники пошли в атаку с криком, выстрелов от неприятеля так и не последовало. В дзотах больше не было врага.

Солдаты смеялись и говорили:

– Фашисты не выдержали аромата хлеба и ушли – пообедать!

Генерал, узнав о случившемся, поинтересовался:

– Кто же этот герой, хлебом прогнавший фашиста? Как фамилия солдата?

– Пекарь, товарищ генерал!

– А-а, я его знаю! Переведите-ка его из штрафроты в солдатскую пекарню. Пусть теперь хлеб наш боец выпекает: ароматный дух сил да выносливости прибавляет!

И с тех пор по всему фронту стали развозить удивительный хлеб, дающий силу русскую. И враг был изгнан с нашей Родины.

А потом Фёдор вернулся домой, и встретили его как победителя и как отца пятерых детей – крепких подростков, будущих пекарей.

А генерал знал:

– При хорошей жизни у всех на столе будет вкусный русский хлеб!

Сословие

Однажды командир кавалерийского эскадрона Александр Макаров, служивший на границе, получил очередной отпуск и поехал в город, где жила его невеста Аня. На этот раз он решил не откладывать свою женитьбу: невеста и так заждалась из-за его трудной службы.

Аня была счастлива прибытию Александра. Они в тот же день расписались и созвали гостей на застолье. Но вдруг пришёл нарочный с пакетом и вручил его Макарову. Тот раскрыл его, а там на небольшом листке было напечатано: «Срочно прибыть на место службы ввиду осложнившейся ситуации на границе».

Что делать – служба есть служба! Обнял Александр Аню, поцеловал на прощание и уехал. А уже в пути, в тот же день, Макаров узнал, что фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину.

Прибыв на место назначения, он увидел: корпус с его эскадрона уже находится неподалёку от поля боя. Оттуда доносился гул разрывающихся снарядов.

Осмотрел Макаров своих однополчан-кавалеристов, их вооружение, лошадей и приказал всем отдыхать до утра. А сам пошёл в штаб – изучать карты.

Ещё было темно, туман стелился по земле и рассвет только вступал в свою силу, как командир зычным голосом скомандовал: «Все-е по коня-ям!» Эскадрон рысцей двинулся к намеченной ранее цели. А затем растянулся в цепочку и помчался галопом в расположение врага: прямо на мотострелковую колонну, на обозы с боеприпасами. Немцы не ожидали нападения. Мчались через их ряды кони вихрем, рвались гранаты. А пытавшиеся убежать фрицы падали под саблями кавалеристов. Когда с колонной было покончено, кавалеристы вернулись в отряд, чтобы отдохнуть самим и дать передохнуть лошадям.

И только Александр решил написать письмо Ане, как его вызвали в штаб.

– Хорошо, Макаров, воюешь! – похвалил его командующий и сказал: – Садись, разговор есть. Знаю, что ты закончил военную академию и довольно успешно изучал японский язык. Ты на нём разговариваешь?

– Так точно! – ответил Александр.

– Тогда я хочу тебе сообщить: ты отправляешься в наше представительство в Японии. Служба будет тяжёлая и опасная, на месте тебе всё объяснят!

– Можно мне сообщить об этом моей жене?

– Нет, – серьёзно ответил командующий. – Она – дочь священника, принадлежит к привилегированному когда-то сословию, а в наше время – опасный элемент. Отец её – протоиерей – отбывает срок в Казахстане. Так что не советую ей писать!

Вскоре Макаров на самолёте был переправлен за рубеж.

А Аня напрасно ждала от него весточек, которые раньше приходили регулярно.

Тем временем страна перешла на продуктовые карточки. Аня трудилась главным бухгалтером на швейной фабрике, где шили форму для военнослужащих. Работали все в три смены.

Прошёл почти год. От Александра – ничего. И решила Аня поехать к его сестре: «Может, она сообщит мне что-нибудь?» Договорившись с директором фабрики, Аня выехала. И через сутки была в незнакомом, но таком же сером и безлюдном, как и её родной, городе. Она быстро нашла нужный дом. Постучалась, но никто ей не открыл.

Вышла на стук соседка и недовольно проговорила:

– Их никого нет! Лена поехала с мужем на недельку в деревню, да так и не вернулись. Месяц, как их нет! А вы кто им будете?

– Мой муж – брат Лены. Как видите, я – родственница.

Тут из-за двери вышел мальчик лет одиннадцати.

– А это тогда – ваш племянник! – быстро ответила соседка. – Пока их сын у меня находится, но если родители не появятся – отдам в детдом!

– Тётя! – вдруг обратился мальчик.

– Я для тебя тётя Нюра! – поправила Аня. – А тебя как звать?

– Петя! – ответил он.

– И что ты хотел мне сказать?

– Не хочу идти в детдом! – насутился мальчик. – Возьмите меня к себе. Я вам во всём помогать стану, а как родители вернутся, уйду!

У Ани сердце сжалось от слов Пети, а тут и соседка начала упрашивать:

– А и впрямь, пусть едет с вами, вы же родственница!

Аня как-то не задумалась о том, что же будет дальше, и предложила:

– Ну что ж, Петенька, собирайся!

Сборы не затянулись: взять-то нужно было только метрики, учебники да одежонку кой-какую. Оставив соседке свой адрес, Аня попрощалась и с мальчиком в тот же день выехала домой.

Дома она напоила Петю чаем, дала кусок хлеба с маслом, яйцо и шоколадку, когда-то подаренную ей.

Нагрев на керосинке воду, Аня принялась стирать Петину одежду. А Петя раскрыл альбом, лежавший на столе, и стал разглядывать фотографии. На одной была мама с братом – дядей Александром, на другой тот сидел верхом на гарцующей лошади с видом гордым и боевым – Александр был в военной форме и с саблей наголо.

– Я тоже буду офицером и кавалеристом! – сказал Петя.

– Чтобы им стать, надо хорошо учиться и закончить десять классов, – заметила Аня.

– А я и так учусь без троек!

– Вот и прекрасно, Петенька. Завтра я тебя отведу в школу.

На следующий день Аня отвела Петю в четвёртый класс и пошла оформлять на мальчика продуктовые карточки. А затем и на работу побежала. Пришла она домой только вечером – с обедом в кастрюльках, который не стала есть на работе, чтобы накормить Петю.

В комнате было убрано, даже фикус был полит. А сам мальчуган сидел и делал уроки. Увидев тётю, он радостно вскочил.

Так и потекли дни. Карточки Аня получала, но до сытости было далеко.

Весной, когда Петя уже перешёл в пятый класс, Аня ему как-то и говорит:

– Давай посадим картошку. Вырастим, и нам всю зиму будет сытно.

Посадили они на своём клочке земли три ведра картошки. Довольные вернулись домой.

А Петя всё лето ходил на участок: смотрел, как подрастает картошка, выдирав сорняки и видел, как кустики быстро растут – лучше, чем соседские. К осени, когда ботва стала желтеть, Аня радостно сказала:

– Петенька, завтра выходной, берём мешки и идём копать картошку!

Встали они рано, пришли на участок – а там ни одной картофелинки! Всю её кто-то выкопал. У Ани аж мешок из рук выпал, а Петя заплакал. Ему было обидно и за тётю Нюру, и за себя, и за их труд и потраченное время. Аня обняла Петю, и они, не оглядываясь, побрели домой.

И опять жизнь потекла, как и прежде. Одно только изменилось: в этом году всем ученикам стали выдавать по маленькой булочке. Она была мягкая, духовитая, во рту словно таяла. Аня по-прежнему работала на фабрике с утра до вечера, а дома вечерами штопала Петины вещи – тот быстро рос. А Петя старался управляться с хозяйственными делами, чтобы тётю было полегче. Как-то, сделав уроки, он пошёл в магазин и, проходя мимо госпиталя, услышал, что его кто-то позвал:

– Мальчик, подойди поближе!

Петя увидел, что за высокой металлической оградой стоит дядя, побритый наголо, с рыжими усами, словно выгоревшими на солнце, и в больничном халате.

– Малыш! Купи махорки, – и усатый протянул Пете огромную пачку денег. – На всё!

Петя решил: «Управлюсь с махоркой, а потом и в магазин сбегаю». А так как он знал, где продают махорку, то сразу туда помчался.

Вернувшись к госпиталю, он усатого дядю не застал. Постоял немного и пошёл через ворота на территорию госпиталя. А из здания кухни вдруг вышла женщина в белом халате и быстро пошла, что-то жуя и говоря:

– Попить чайку некогда! – и, заметив Петю, спросила: – А тебе что надо, мальчик?

– Меня дядя попросил махорки купить. Я её принёс, а он уже ушёл.

– Это высокий, лысый и с усами? – догадалась она.

– Да, – ответил Петя.

– Пойдём со мной. Я врач и покажу, где он!

В вестибюле госпиталя она подобрала самый маленький белый халат, надела на Петю, и они вошли в помещение, где находилось множество раненых, лежащих на кроватях. Она сразу подошла к усатому, сидящему на табуретке, и, улыбаясь, сказала:

– Вот, принимай свой заказ!

А сама пошла выносить стоявшие возле кроватей утки. Петя положил махорку на тумбочку и предложил докторше:

– Тётя, может, вам помочь?

– Хорошо-о бы, – вздохнула она.

И Петя, схватив утку, – а та оказалась тяжёлой, – отнёс её туда, где её помыли. И так скоро всё перетаскал, а на место возвращал уже чистые.

– Сынок! – позвал его вдруг перебинтованный, лежавший на кровати мужчина. – Вытащи из-под меня утку. А то врач и так уже забегалась, неудобно её звать. Она и так нам, как родная.

Петя по-хозяйски выполнил просьбу. Тут кто-то попросил его подушку поднять повыше. Другой – простынку поправить, а то и посидеть рядом и поговорить. Когда он уходил, то раздались голоса:

– Приходи, сынок, не забывай нас!

– Приду, – пообещал Петя.

Врач отвела его на кухню, там его покормили, а заодно Петя узнал, что врача зовут тётя Римма.

С тех пор Петя старался после школы ходить в госпиталь. Его с нетерпением ждали: видно, он многим пришёлся по душе своей исполнительностью и готовностью помочь. И раненые уже знали о нём всё: что он живёт с тётей Нюрой, что она у него самая любимая и что он мечтает стать военным кавалеристом.

Четвёртый год, день за днём – зимой, весной, летом и осенью – шла безжалостная война с ненавистным врагом, которого Красная Армия уже гнала, откуда он пришёл. Анюте на её запросы в военную часть, где служил муж, по-прежнему приходил ответ: «Среди погибших не числится».

Как-то Петя заявил тётушке:

– Вот закончу семь классов, пойду на завод работать и стану вам помогать деньгами.

– Петенька, ты же хотел быть кавалеристом! Закончи десять классов и иди в военное училище: получишь звание офицера и станешь таким, как дядя Александр. А я уж подожду! – возразила Анюта.

А в городе тем временем стали открываться храмы, и прихожане шли туда молиться. И однажды осенью пришло письмо; Анюта, прочитав его, просветлела. Оно было написано её отцом, протоиереем Ефимом, который сообщил, что его реабилитировали, он освобождён, восстановлен в прежних правах, и что прибудет на поезде завтра утром.

– Как хорошо, что письмо вовремя пришло! – с облегчением вздохнула тётя Нюра и предложила:

– Петенька, ты бы встретил его! – и засуетилась. – А я за это время приготовлю всё необходимое для папы. Ты дедушку узнаешь, у него большая седая борода, да и видел ты его на фотографии.

Всю ночь Анята не спала. Она открыла сундук, перебрала вещи: рубашки, брюки, рясу, – и всё это прогладила чугунным утюгом.

Петя заметил, что тётя Нюра так и не прилегла, а утром сменила постельное бельё и приготовила завтрак. Петя быстро умылся, поел, надел пальто и накинул на себя шарфик – на улице ещё было прохладно. Тётушка осмотрела его и проговорила:

– Ну, с Богом, дорогу знаешь!

И Петя побежал на вокзал.

Поезд опаздывал. Петя ходил по платформе и рассуждал: «Как я найду дедушку, если не указан номер вагона?» И вот наконец прибыл поезд. Приближаясь, он гудел всё громче, а останавливаясь, зафыркал паром, как бы говоря: «Встречайте! Встречайте!»

Петя встал на скамейку, чтобы с высоты лучше видеть пассажиров, выходящих из вагонов. И дедушку он заметил сразу: он единственный из всей толпы выделялся своей седой бородой и длинными волосами. На нём был плащ явно не по размеру, который не был застёгнут на груди, а за плечами висела холщовая котомка.

– Дедушка-а! – что есть силы закричал Петя и помчался ему навстречу. Тот встал, поджидая его.

– Петенька, так вот ты какой, – обнял его Ефим, приговаривая: – Мне о тебе дочка всё рассказала!

Тут Петя обратил внимание на котомку: она была разрезана. Дедушка понял, что из неё всё вытащили, и раздосадованно сказал:

– У меня там тёплый свитер был. Но не беда, были бы сами целы!

– Я тебе шарфик дам! – и Петя накинул его на плащ.

– Ну, а теперь пойдём домой, – вздохнул дедушка.

– А у нас в городе трамвай пустили, он довезёт! – сообщил новость Петя и помог дедушке подняться в вагон. Сам сел рядышком.

– Как у тебя дела с учёбой? – поинтересовался дедушка.

– «Хорошо» по всем предметам!

– А там, где я находился, я преподавал детям русский язык и математику и многих за годы ссылки научил грамоте.

– Дедушка, а за что ты сидел?

– За веру, сынок, за веру. Вот подрастёшь и всё узнаешь.

Так они, беседуя, добрались до дома. Тётя Нюра увидела их из окна и так спешно выбежала навстречу, что волосы у неё рассыпались по плечам. И когда они обнимались, только и было слышно:

– Папа!

– Анята!

Когда они вошли в подъезд, Ефим почувствовал запах супа и весело проговорил:

– Эх, давно я не ел борща!

В квартире Анята первым делом решила папу накормить, а уж затем помыть его в приготовленном для этого корыте. А Петю она попросила сбежать в магазин: отоварить оставшиеся талоны и принести хлеба. И он побежал, а заодно решил зайти в госпиталь и сообщить тётё Римме, что приехал дедушка и что он, Петя, временно навещать раненых не сможет. Но не застал её. Дежурный сказал, что она присутствует на операции и что он всё ей передаст.

Петя пришёл домой, когда дедушка уже лежал в свежей рубашке в кровати, а его ношенная одежда кипятилась в баке. Себе Анюта постелила в углу комнаты на сундуке под иконой, а Пете – на раскладушке.

Утром Петя проснулся от звука, как будто кто-то говорил, распевая. Это был дедушка: он читал молитву над закрытой Библией – и так знал, что написано на каждом её листочке. Позже пришли две старушки-монашки. Они узнали, что вернулся батюшка, протоиерей, которого они знали ещё до войны, и попросили послужить в храме.

Анюта достала из шифоньера приготовленную рясу, помогла папе её надеть, а поверх повесила большой наперсный крест. Затем надела на него старое пальто и на голову скуфейку.

Ефим и монашки двинулись в храм, Петя побежал в школу, а Анюта на работу.

С тех пор Ефим снова начал исполнять свои церковные обязанности: крестил, читал проповеди во время богослужения. Но ему становилось всё тяжелее ходить, ноги распухли и с трудом влезали в обувь.

Петя решил посоветоваться об этом с тётей Риммой. Зашёл к ней на работу и всё рассказал.

Она предложила:

– Давай я приду и посмотрю его.

И вот она пришла, когда Анюта была дома, представилась:

– Римма, врач, будем знакомы. – И улыбнувшись, продолжила: – Пришла по зову вот этого мальчугана. Будем обследоваться!

Осмотрев дедушку и затем заодно и Анюту, она с огорчением сказала:

– Болезнь-то у вас одинаковая – большое сердце. Только у папы вашего совсем всё запущено. Ну, что ж, будем лечить. Вот вам для начала таблетки.

Затем Римма посидела, попила чаю со всеми и долго разговаривала с Анютой. Наверное, их сблизило общее горе: у одной муж погиб на фронте, у другой – без вести пропал. С этого дня Римма часто стала бывать в доме, со всеми сдружилась.

Наступил сорок пятый год, 9 мая. Вся страна праздновала День Победы над фашистской Германией.

А Ефим сидел, слушал колокольный звон и определял по звуку, из какого храма он доносился.

Вечером был салют в честь Победы, за окном раздавались крики радости. Римма и Анюта тихо сидели, а дедушка стоял перед иконой и молился.

Скоро у Пети начались экзамены, он должен был окончить седьмой класс.

В день последнего экзамена Ефим хитро ему сказал:

– Я сегодня никуда не пойду. Буду ждать тебя с аттестатом. Картошку почищу, пожарю на сале, и будет у нас праздник в твою честь!

Петя после школы радостный шёл домой. Ему вручили аттестат, в котором были одни пятёрки. Он открыл тихо дверь, чтобы сразу крикнуть и всех обрадовать. Но вдруг увидел дедушку Ефима – тот склонился над столом и, казалось, спал. Петя подошёл и тихо позвал:

– Дедушка...

Но тот не пошевелился. «Ему плохо», – испугался Петя и вихрем помчался в госпиталь к тёте Римме. Скоро они пришли домой вместе. Римма сразу поняла, в чём дело, и грустно сказала:

– Дедушка Ефим покинул этот мир.

Петя не понимал, что произошло, пока не пришла Анюта. Когда она всё узнала, то сразу осунулась, тяжело опустилась на табуретку.

Потом пришёл псаломщик – узнать, почему на службе не был протоиерей. Узнав, что случилось, он сказал:

– Все заботы беру на себя. Три дня священнослужителя будем отпевать! – и, перекрестив всех, вышел.

Скоро Ефима положили в гроб и поставили его в храме. Анята, вся в чёрном, находилась рядом и сказала Пете и Римме, чтобы они шли домой, а она с отцом останется на всю ночь. Дома Петя, не раздеваясь, лёг на раскладушку, но заснуть никак не мог, всё думал: «Почему так получается? Мама с папой пропали, а теперь вот и дедушка Ефим ушёл».

Утром пришёл псаломщик и сочувственно произнёс:

– Тётушка-то твоя, как была на коленях перед отцом, так и застыла. Теперь в храме двое усопших лежат...

Петя вскочил, а псаломщик обнял его, и они побрели к храму. Там уже собрались прихожане; пришла и Римма. Она подошла к Пете и молча прижала его к себе.

Прощальная служба велась три дня. Пете она показалась вечностью. Он временами уходил домой. Но там было пусто и тоскливо, казалось, даже любимый тётушкин фикус сохнет, хотя Петя его несколько раз поливал.

Римма навещала Петю, следила за его здоровьем, и за тем, чтобы в доме было всё, как при Аняте.

А потом на церковном кладбище прошли похороны. Проститься с усопшими прибыло множество народу. На могильный холмик поставили деревянный крест.

После похорон Римма, вздохнув, произнесла:

– Ничего, могилку приведем в порядок, красивая будет.

Она проводила Петю домой, а сама по пути к себе думала, как помочь мальчику в дальнейшей судьбе.

Утром, идя на работу, Римма глянула на стенд с газетами, и её остановил один заголовок: «Начинается набор в военное училище юношей, окончивших школу». Она подбежала к киоску, купила газету. А после работы зашла к Пете. Как когда-то встречал тётю Нюру, он бросился Римме навстречу.

Римма, чтобы отвлечь его от грустных мыслей, весело сообщила:

– Петя, а в столице принимают учеников в военное училище! – и подала ему газету.

Он с жадностью схватил её, прочитал и огорчённо отдал обратно.

– Там после десятого класса идёт набор.

– А тут этого не написано, – успокоила его Римма. – Поезжай! А если не примут, я тебя до десятого класса воспитаю! – и она улыбнулась.

Петю это вдохновило: «Надо попробовать! Если не поступлю – вернусь!»

А Римма, видя, что он не против, стала его подбадривать:

– Завтра куплю билет на поезд, снаряжу тебя, документы все соберём. А училище и сам найдёшь: ты мальчик сообразительный!

И Петя отправился в столицу. Поезд мчался без остановок, стук колес нравился Пете, а потом он заснул. Разбудила его проводница.

– А тебе куда, мальчик? Я живу здесь и могу подсказать.

– Мне бы попасть... – и Петя назвал место, куда ему нужно было явиться.

Проводница нарисовала ему на листочке маршрут, и Петя отправился в училище.

В столице все люди куда-то спешили, и Петя, никого уже не спрашивая, спокойно шёл по намеченному пути. Прошёл площадь, вышел на проспект и вскоре оказался возле трехэтажного дома с вывеской «Военное училище». Он вошёл в холл.

Часовой его спросил:

– Вы куда?

– Хочу здесь учиться! – ответил Петя, и часовой показал, где приёмная комиссия.

Там офицер потребовал у Пети документы и, посмотрев их, удивился:

– У вас, юноша, образования не хватает – десяти классов нет. Принять не сможем!

– А у меня дядя – военный кавалерист и командовал эскадрой! Я хочу стать таким же, как он!

– Вот что, мальчик, – перебил его офицер, – сегодня пообедаешь здесь, переночуешь, а завтра купим тебе билет, и ездай-ка ты домой.

Пете было обидно, что его не хотят зачислить в училище, и он стоял с расстроенным видом. Вдруг вошёл седой генерал, заметил Петю и спросил:

– Чем так расстроен наш абитуриент?

Офицер стал объяснять:

– Да вот, толковый парнишка прибыл. Хочет у нас учиться и продолжить семейную традицию – у него дядя был кавалеристом. А образование у него – всего семь классов.

– А у нас есть исключение для отличников, можем и взять! – произнёс генерал и, взяв со стола аттестат, заинтересовался: – У тебя, Петя, фамилия, как у меня – Макаров. А родители у тебя есть?

– Не-ет! – ответил Петя. – Они жили в другом городе, во время войны поехали в колхоз и пропали, а меня взяла к себе неродная тётя. Брат моей мамы – её муж.

Генерал слушал внимательно, а потом спросил:

– А как же звать маму, папу и тётю?

– Лена, Виктор и Нюра, – отчеканил Петя.

И тут генерал метнулся, схватил его и воскликнул так громко, что, казалось, его слова разнеслись по всему зданию:

– Петенька, племянник мой! Я тебя искал, а ты, оказывается, всё время жил у моей Анюты. Ну-ка, пойдём!

Генерал отвёл Петю в столовую, накормил, а затем привёл в свой кабинет, усадил в кресло и попросил рассказать всё о тёте Нюре и о дедушке.

– А их уже нет в живых, – тихо произнёс Петя. – Тётя до последнего дня ждала своего мужа и ухаживала за дедушкой и за мной. А похоронили их три дня назад на пожертвования прихожан и священнослужителей. Я один остался. Хорошо, что тётя Римма помогает.

Генерал нервно заходил по кабинету:

– Те времена, Петенька, были тяжёлые, многое запрещалось и каралось. Сейчас кое-что изменилось. Я же, как только прибыл недавно из-за рубежа, всё разузнал о твоих родителях: их погубили бандиты – позарились на мешок с овощами. А к Аннушке хотел неожиданно нагрянуть. Да дела задержали.

Генерал помолчал, а затем твёрдо произнёс:

– Завтра едем к тебе домой!

В эту ночь Петя спал у дяди Саши. А рано утром за ними приехала машина. Генерал усадил сонного племянника рядом с собой, тот прижался к кителю и продолжил дремать. А машина, фыркнув, тронулась.

Петя проснулся, когда машина подскочила на ухабе, и стал смотреть в окно – на поля, селения, и рассуждал: «Вот были бы живы родители, тётушка, дедушка – и радостно встретили бы дядю Сашу. И ещё не пойму, дедушка за какую-то веру сидел, говорил – подрастёшь и узнаешь. А я уже сейчас знаю: не было бы войны, и этого ничего бы не случилось».

Скоро они были в городе, но сначала заехали на кладбище.

Могилка была ухожена, рядом появилась скамеечка, а на холмике кто-то оставил две большие негоревшие свечи. Они словно ждали, что их зажгут. Генерал сел, зажгёт свечи, потом опустился на колени и тихо произнёс:

– Прости меня, Анюта. Запоздал я, но иначе не мог. Прости!

И он снова сел на лавочку, обнял Петю, и так они долго сидели. Потом генерал протёр ладошкой деревянный крест, поцеловал его и, обращаясь к Пете, проговорил:

– Зайдём в храм!

Внутри генерал перекрестился, а потом заметил ящичек с надписью: «Пожертвования на восстановление храма», и положил в него деньги.

А затем генерал и Петя поехали к дому, где так недавно жили близкие им люди.

Они поднялись к квартире, а там их уже возле дверей ждала Римма.

– Петенька, милый, прибыл! – радостно встретила она его. – А это что за гость с тобой такой важный, при орденах?

– А это мой дядя, дядя Саша – муж тёти Ньюры!

– Ну, какие гости у нас! Так пойдёмте, я вас чаем угощу!

Генерал глядел на комнату, чистую, аккуратную, в которой совсем недавно жил близкий ему человек. Ком подкатил к горлу, и чтобы как-то скрыть свои чувства, генерал подошёл к фикусу и погладил большие блестящие листья, приговаривая:

– Мы с Анютой его вместе посадили. Сохранила, значит, память обо мне...

Уже за столом Римма, прежде напоив и накормив Петю и Александра, стала рассказывать о жизни Анюты.

Наступил вечер, темнело. Александр приказал собираться в путь. Петя вышел к машине, а чуть позже и генерал – с узлом в руке.

– Римма, – обратился генерал к врачу на прощание, – спасибо вам за всё! И поливайте цветок. А мы с Петей обязательно будем вас навещать.

Все расцеловались, а затем генерал и Петя сели в машину и помчались в столицу.

В столице Петя стал учиться в военном училище, а жил у дяди Саши.

А однажды он увидел в гостиной на видном месте портрет тёти Ньюры, иконку, что была у неё дома, и семейный альбом на шкафу. А на полочке – дедушкину рясу и большой крест. «Так вот что было у дяди Саши в узле!» – догадался Петя.

Он проучился в военном училище пять лет. Получил звание лейтенанта. На торжественном вручении погонов генерал сердечно поздравил Петю. А когда вдруг к Пете подошла девушка и поцеловала его, Александр заинтересовался:

– А кто эта милая особа?

– А это моя невеста – Анна! – ответил Петя. – Её папа в духовной академии учится. И я скоро всех вас познакомлю, и тётю Римму тоже!

– Вот и хорошо! – от души сказал Александр. – Мы благословим вас! А дедушкина ряса для Анютиного папы пригодится!

Материнская сила

Это произошло в небольшом колхозе, неподалёку от города. В деревне всего было в достатке: скотина, птица; урожай пшеницы собирали отменный. Жена председателя колхоза радовала духовитым хлебом семью: мужа и двоих детей. Ни в чём у них нужды не было.

Но как-то раз пришёл нарочный и передал отцу пакет. Тот когда-то служил в пограничной таможне, находился в запасе, и теперь ему приказывали явиться в воинскую часть.

В тот же день отец собрал сельчан. На общем собрании новым руководителем колхоза выбрали его жену. А вечером все крестьяне проводили бывшего председателя на службу.

От отца долго не было писем, а через два месяца фашистская Германия напала на нашу Родину. Старший сын был призван в армию. Мать понимала: муж её молчал – служба была сложная. А сейчас и сына забрали – видно, стало ещё тяжелее. И она, положив голову ему на грудь, повторяла: «Не забывай меня, пиши – так мне легче будет!»

А сын, подхватив котомку, пошёл на сборы новобранцев.

Прошёл месяц, писем всё не было – ни от отца, ни от сына. А потом начались трудные времена. Мужчин в колхозе становилось всё меньше, и всю тяжёлую работу взяли на себя женщины: носили мешки с урожаем, чинили телеги и даже подковывали лошадей. Младший сын видел: тяжело стало работать матушке, – и старался помогать ей во всём.

Проводил время в поле с утра до вечера – заботился о будущем урожае, за домом присматривал, чинил с ровесниками хозяйственные постройки, а некоторым одиноким женщинам, чьи мужья отправились на фронт, они и хату могли поставить или отремонтировать.

Прошло два года. Война продолжалась, и младшего сына тоже призвали на фронт.

Мать словно меньше ростом стала.

Сын её обнял и успокаивал:

– Не волнуйся, со мной ничего не случится! Буду писать часто, а потом и домой вернусь!

Его провожали всем колхозом и говорили:

– Хороший агроном бы из него получился! Дай бог, чтобы вернулся с войны!

Мать поцеловала его, перекрестила, а он, как отец, как брат, взял котомку и пошёл воевать.

– Алёша-а пиши-и!

Младшего сына отправили учиться на механика-водителя танка. Там он встретил своего приятеля Игоря, с которым учился с первого класса.

Обучившись, они попали в один экипаж и были этому рады. Алёша написал маме коротенькое письмо, в котором рассказывал, что служба у него спокойная и чтобы она не волновалась.

А потом случился первый бой. Их ночью подняли, и они на танках отправились к намеченной цели, остановились за возвышенностью. Утром грянула канонада наших зениток. А когда она утихла, то танкисты рванули навстречу немецким «тиграм».

Во время атаки Алёша скомандовал Игорю:

– Пока не стреляй, подойдём поближе! – и продолжал ехать навстречу немецким танкам, влияя на ходу, чтобы вражеские снаряды не попали. А потом Игорь выстрелил.

«Тигр» загорелся, и когда фрицы стали отступать, то Игорь и Алёша подбили ещё один танк, угодив ему снарядом точно в свастику.

Командир их похвалил.

А Алёша снова написал маме письмо: «У меня всё хорошо. Мы с приятелем начали учиться ездить на транспорте. Не беспокойся обо мне».

А боев было ещё много, и очень ожесточённых. Алёша и Игорь уничтожали живую силу противника и его технику, и у них на гимнастёрках уже позвякивали ордена и медали. Но как-

то их танк подорвался на mine и остановился. И тут появился бомбардировщик. Если бы танк двигался, фашисты вряд ли бы попали в него, а сейчас он стоял на месте, и бомба угодила в цель.

Алёша очнулся в госпитале. Стояла тишина, только слышны были изредка стоны солдат.

Рядом он увидел Игоря с перебинтованной и поддерживаемой гирей ногой. Тот странно на него смотрел.

Алёша хотел было повернуться к Игорю и вдруг почувствовал: «У меня нет ног!» И тут он понял, почему друг на него так смотрел: «Это жалость!»

Прошёл месяц. Игорь, прихрамывая, уже ходил по палате, а вскоре был комиссован. Перед выпиской он подошёл к Алёше и сказал:

– К маме твоей зайду и всё расскажу!

– Не надо! – строго ответил Алёша – Я не вернусь домой. Буду ей писать, что со мной всё хорошо, а не то ей станет плохо.

В тот же день он и написал: «Здравствуй мама. У меня всё без изменений. Врага гоним. Береги себя! Я вернусь!»

Алёшу, отказавшегося возвращаться домой, отправили в здание школы, где на государственном обеспечении находились инвалиды.

А в День Победы над фашистской Германией к нему приехал Игорь. Алёша был счастлив видеть его, они долго обнимались, а потом обменивались новостями.

– Мама-то твоя думает, что ты ещё на воинской службе. Но война-то закончилась, надо к ней ехать. Она тебя ждёт! – советовал Игорь.

– Не хочу, чтобы она, увидев меня таким, мучилась, – отказывался Алёша.

– А я тебе даже тележку смастерил, сможешь на ней передвигаться, – сказал Игорь и попросил медсестру прикатить её.

Алёша, увидев тележку, вначале удивился, но, когда Игорь посадил его на неё и Алёша, оттолкнувшись руками от пола, поехал – обрадовался.

– Хорошо! – довольно произнёс Игорь. – А тебя я заберу с собой, будешь жить у меня. Захочешь, маму увидишь, а нет – пиши по-прежнему письма.

Алёша сразу согласился: всё-таки он будет находиться там, где его родной край. И вскоре он оказался дома у Игоря. От него до колхоза было рукой подать. Всю ночь Алёша не спал. Он видел свой дом, даже слышал знакомый звук открывающейся калитки и идущую ему навстречу мать.

И только утром светлый луч проник в окно, Алёша попросил Игоря:

– Дружище, как бы мне родной дом посмотреть? Больше я тебя ни о чём не попрошу!

– Я подумаю, – тихо ответил тот, посмотрел на страдающего Алёшу и вышел.

Ждать его пришлось недолго. Игорь вернулся и радостно воскликнул:

– В милиции нам пошли навстречу и дали мотоцикл с коляской!

Игорь подхватил Алёшу, вынес на улицу, посадил в коляску и, довольный, что угодил другу, нажал на газ. И они поехали в сторону колхоза. Через какое-то время съехали с шоссе на дорогу, что шла через пшеничное поле к родному дому Алёши.

– Стой! – крикнул взволнованно Алёша. Он схватил колосок, понюхал его, помял, взял второй, то же самое сделал и с сожалением промолвил:

– Дождичка бы – и отменный урожай получится!

Когда они въехали в посёлок, где родился и рос Алёша, он попросил Игоря ехать помедленней. Он долго смотрел на дома, на улицы, на строения... А потом они углубились в зелёное гороховое поле, источавшее медовый аромат. Алёша взял стручок, нажал на него, и тот издал приятный хруст, показав сочные горошины.

– Вот за него не надо волноваться! – убеждённо заключил Алёша.

Вдруг лицо его изменилось: он, видно, понял, что никогда не сможет стать агрономом. И, словно проглотив ком, поторопил:

– Поехали отсюда быстрее!

По прибытии обратно в город он написал матери письмо: «Иду на сверхсрочную службу, желаю здоровья! Буду извещать о себе почаще, как и обещал». Письмо он передал Игорю, чтобы тот отправил его, а сам надел гимнастёрку с орденами, сел в тележку и выехал на улицу, чтобы немножко успокоиться. А тут к нему стали подходить люди и класть на брезент, укрывавший культи, деньги. Ему было поначалу неудобно их брать, но в дальнейшем он к этому привык, и деньги стал отсылать матери. А сам жил на военное пособие.

Однажды, приехав на тележке в центр города, где сооружали мемориал погибшим солдатам, он услышал испуганный и удивлённый голос:

– Алёша, ты?!

Это была соседка, живущая рядом с его родным домом.

Алёша, ни слова не говоря, быстро укатил. Месяц он никуда не выходил и молчал. Даже на просьбы Игоря пойти с ним погулять не отзывался.

Алёша не был трусом, но вероятность неожиданной встречи с матерью его пугала. И когда он услышал, что на площади наконец-то открыли мемориал с Вечным огнём, он вечером, зная, что там в это время будет меньше народу, поехал туда. Ещё издали он увидел, как посетители подходили к Вечному огню и клали цветы. А одна старушка, как склонилась над плитой, так и стояла без движения. И тут Алёшу словно обожгло. Он не видел лица старушки, но своим сыновним чутьём понял: «Это матушка!»

А она, словно почувствовав, обернулась. Но не заохала, не вскрикнула, а спокойно промолвила:

– Сынок, я всё знаю, моё сердце не обманешь. Я люблю тебя таким, какой ты есть!

Он увидел, что мать стала седая, лицо было серое, изрытое морщинами и очень уставшее. А затем она опустилась на колени и целовала, целовала его. А он твердил:

– Мама, мама, прости меня!

Тут подъехал милицейский патруль, охранявший мемориал. У милиционеров уже были сведения, что колхозники ищут пропавшего солдата. Посадив Алёшу с мамой в машину, они отвезли их домой.

Слух о прибытии Алёши разнёсся вмиг. Все – и взрослые, и молодёжь – высыпали на улицу. Прибыл на попутке и Игорь.

Мать сидела на лавочке, а рядом Алёша и Игорь.

А сельчане говорили:

– Нечего тебе, Алёша, отдыхать! Время такое – надо работать! – И постановили: – Быть тебе агрономом!

А Игоря решили назначить кузнецом: руки у него были крепкие и сила была.

Мать обняла Алёшу, потом Игоря и сказала:

– Вот у меня и два сына!

Тут подъехала телега, запряжённая бодрой лошадкой, и кто-то из колхозников выкрикнул:

– А вот, Алёша, и твой транспорт! Будешь по полям колесить, за урожаем следить, нас в работе подбадривать и в гости ездить!

Хлеб с маслом

Мать с маленьким сыном Васей жила в коммунальной квартире. С пьяницей-мужем она разошлась и воспитывала мальчика одна, работая в столовой – то уборщицей, то посудомойкой. С работы она и кое-что съестное могла приносить.

В коммуналке кроме них жила немка Изольда и всегда выбритый, аккуратный, играющий на скрипке Иосиф. Кухня была общая, и если Иосиф варил суп, от его кастрюли всегда шёл вкусный запах.

А мать Васю наставляла:

– Сынок, вот выучись играть на скрипке, и будешь есть хлеб с маслом!

И однажды, когда Иосиф упражнялся, играя гаммы, она обратилась к нему:

– Научи моего сына играть на скрипке.

– Надо сначала проверить его чувство ритма и слух! – ответил Иосиф, продолжая водить смычком по струнам.

Позвали Васю. Был он небольшого роста, худенький, и от этого уши казались растопыренными.

– В школу ходишь? – спросил его Иосиф.

– Да, во втором классе учусь! – переминаясь с ноги на ногу, произнёс Вася.

– Сейчас я постучу по столу, а ты постучишь так же. Потом сыграю на скрипке, а ты голосом повторишь мелодию.

Задание Вася сделал с лёгкостью. А когда Иосиф стал специально усложнять мелодию и Вася всё равно повторял её в точности, то скрипач удивлённо воскликнул:

– Да у твоего сына абсолютный слух! Он будет отличным музыкантом, а с такими длинными пальцами из него получится виртуоз! Но только при условии, что будет хорошо учиться!

И вот у Васи началась музыкальная учёба. Иосиф отдал ему старенькую, с выгоревшим лаком скрипку и смычок с выпавшими волосами. Учился Вася легко и вскоре уже играл с нотного листа.

Прошли годы, и Вася стал играть на скрипке так здорово, что приводил Иосифа в восторг. И тот как-то предложил:

– Я больше ничему не могу тебя научить. Надо продолжать учёбу в музыкальном училище.

И на следующий год Иосиф сам отвёл его туда.

Васю приняли сразу на второй курс. За время учёбы он повзрослел, но по-прежнему был худым. В училище играл в оркестре, чаще солировал. А на афишах было написано: «В концерте участвует скрипач Василий Родионов».

В музыкальном коллективе ему понравилась девушка Елена, виолончелистка. Да и она отвечала взаимностью. Жили они рядом, и домой ходили вместе. Вася брал у неё футляр с виолончелью, она – его скрипку. Так и шли.

Как только они закончили училище и получили дипломы, их пригласили в симфонический оркестр.

Мать была счастлива за Васю и с восторгом говорила:

– Вот видишь, Васенька, теперь и хлеб с маслом у тебя будет!

Но скоро началась Великая Отечественная война, и Васю призвали на фронт. Это произошло так быстро, что Вася успел попрощаться только с мамой, Иосифом и Изольдой. Она ему сказала по-немецки:

– Быстрей возвращайся. Храни тебя Господь!

Вася поблагодарил её, и тоже на немецком языке. А Елену Вася перед отъездом так и не увидел.

Вечером новобранцев привезли за город. Там, в подлеске, на большой поляне стояли палатки. Новобранцев высадили, поставили в шеренгу, и офицер начал спрашивать:

– У кого какая была специальность?

Все по очереди стали отвечать. Когда дошла очередь до Васи, он произнёс:

– Я играл на скрипке.

– Нам нужны бойцы, а не скрипачи! – поморщился офицер и задал следующий вопрос:

– А кто знает немецкий язык?

– Я... – тихо ответил Вася.

– Громче! – резко проговорил офицер.

– Я!

– Вот это мне и надо! – уже с добротой в голосе сказал на немецком языке офицер. – С прибытием на службу, будешь пограничником!

И Вася на чистом немецком языке произнёс:

– А я думал, что всегда буду музыкантом! – и улыбнулся.

Офицер тоже заулыбался и, оглядев Васю, посочувствовал:

– Худой же ты, и мускулы дряблые. Ну, ничего, будем с тобой работать!

Потом всем выдали форму и стали тренировать и учить военным премудростям.

А скоро Вася получил письмо от Елены. Там была и такая строчка: «Всегда буду ждать тебя». Когда Вася окреп и стал легко выполнять все задания, его вызвал знакомый офицер.

– Садись, Василий, – сказал он и серьёзно продолжил: – Сегодня в ночь вместе со старшиной Лёшей полетишь к партизанам, там нужен переводчик. Вокруг хозяйничают немцы, но старшина те края знает, так что не волнуйся. Перед вылетом переоденься в гражданскую одежду.

Когда стемнело, Васю подвезли к небольшому самолёту, который гудел, готовясь к взлёту. Васе помогли надеть парашют. Старшина тоже стоял в гражданской одежде и в полном снаряжении. Прищуривав хитро глаза, он заявил:

– Был я тебе, Вася, товарищем, а с сегодняшнего дня я твой друг!

И они забрались в самолёт.

Тот набрал высоту и полетел в сторону, где виднелись красные языки пламени, – это горели деревни, где хозяйничали немцы.

– Пора прыгать! – скомандовал через какое-то время пилот.

И Вася с Лёшей бросились в бездну. Приземлились неподалёку от болота.

Старшина огляделся, покачал головой:

– Это место мне знакомо. Ещё немножко в сторону, – и нам пришлось бы несладко. Легчик молодец, рассчитал хорошо!

Вдалеке помигали фонариком – «свой». Затем подошли люди, кто в пограничной форме, кто в гражданской. Собрали парашюты, и все пошли в расположение базы.

Прибыв на место, Вася сразу стал переводить по рации слова захваченного в плен фрица – офицера штаба. С этого дня у Васи началась партизанская жизнь. Он не раз с бойцами пускал под откос поезд, нападал на колонны врага. А как-то раз после боя, уничтожив несколько машин с живой силой, партизаны заметили, что в одно из селений поступает вражеская техника. «Сколько её там, для чего она и куда двинется?» Нужно было это узнать.

Несколько раз разведывательная группа пыталась всё это выяснить, но безрезультатно. Вооружённые мотоциклисты постоянно разъезжали вокруг села. И вот Вася со старшиной решили попытать счастья днём, надеясь обнаружить какую-нибудь лазейку. Выйдя на опушку леса, они увидели стога сена и человека, который вилами грузил его на телегу.

Вася старшине и говорит:

– Я побеседую с мужиком. Если подниму руку, значит всё у меня в порядке, не предпринимай ничего! – и, оставив Лёше всё свое оружие, двинулся к телеге.

– Здравствуй, товарищ! Я свой! – поздоровался Вася.

– Да я вижу, что свой! – угрюмо произнёс мужик.

– Как попасть в посёлок?

– Никак. Грохнут тебя, если попробуешь. А вот до деревни, что рядом, могу довезти.

Но тут со стороны коровника, стоявшего неподалёку, показалась вооружённая колонна фрицев-мотоциклистов. Вася понял, что их увидели. Если он убежит, мужика станут допрашивать и расстреляют. И тут у него появилась идея: он поднял руку, чтобы старшина видел, взял вилы и стал бросать сено в телегу. Мотоциклисты их окружили, и к мужику и Васе подошли немецкий офицер и полицай. Тот сказал:

– Мужика я знаю, он из деревни. А вот другого я первый раз вижу.

– Это мой родственник из города, помогает мне, – вступил в разговор мужик.

Тут и Вася вмешался:

– Я музыкант, на скрипке играл, но из-за войны всю филармонию разогнали.

– Музыкант? – переспросил немец на русском языке. – Ну-ка, подойди ближе.

И стал Васю обнюхивать, пытаясь уловить запах дыма от костра. Но почувствовав запах дешёвого одеколona, отшатнулся. (А Вася побрызгался трофейным одеколоном, чтобы комары не одолевали.)

Тогда офицер потребовал:

– Покажи ладони! – и, увидев там мозоли, натёртые после тренировок, язвительно сказал: – Садись в коляску, разберёмся, какой ты музыкант! Хорошо сыграешь на скрипке, отпущу!

И все, грохоча моторами, помчались в посёлок.

А старшина, увидев ещё раз поднятую руку Васи, пошёл докладывать о происшествии командиру партизанского отряда.

А Вася ехал и запоминал: где вышки с часовыми, где заградительный забор недоделанный. И обратил внимание, что не видно ни одного местного жителя, а из хат доносится только немецкая речь. В посёлке стояла военная техника, окружённая пулемётными точками.

«Взять их с налёта нельзя, будут большие потери», – вздохнул про себя Вася.

Немецкого офицера, привёзшего Васю, радостно встретили его товарищи. А тот гордо сказал:

– Мне дан приказ! Завтра рано утром наш карательный батальон будет наступать со стороны дороги, где коровник, – нужно уничтожить партизан. А путь к ним покажет проводник, – и он указал на полицая. А затем вдохновлённо продолжил:

– А в честь нашей будущей победы я устраю вам сейчас концерт русского скрипача. Если сыграет лучше нашего музыканта – освобожу его!

А Вася делал вид, что не понимает ничего из сказанного.

Офицер крикнул:

– Ганс, неси скрипку и играй!

Все немцы собрались послушать состязание музыкантов. А Вася давно не играл, руки загубели, и тогда он потёр каждый палец, пока не почувствовал тепло.

Первым сыграл Ганс, что-то из Вагнера. Когда он закончил, все бурно ему захлопали. А Вася стал играть одно из сочинений Генделя. Вначале ему казалось, что пальцы не так берут ноты, но через какое-то время всё наладилось. И ему стали хлопать, когда он ещё не закончил играть. И так Ганс и Вася соревновались в мастерстве, исполняя то Брамса, то Мендельсона, а заканчивая, награждались овациями.

– Ну, кто из них лучше играет? – наконец спросил офицер.

Стояла тишина: никто из немцев не хотел подвести своего. Но тут Ганс сказал:

– У русского лучше техника!

– Так это дело поправимое! – со злостью произнёс офицер, достал нож и, попросив подержать Васю, отрезал ему фалангу на мизинце.

– Немцы везде должны быть первыми! – добавил он затем.

Хохот стоял долго, а потом все разошлись по хатам.

Ганс перебинтовал Васе палец и получил за это подзатыльник от офицера, который затем скомандовал:

– Закрой его в сарае, а после победы над партизанами ещё раз сыграете! Вот тогда и посмотрим, у кого техника лучше!

Ганс отвёл Васю в сарай и запер. Палец ныл, дергал. Глаза долго привыкали к темноте. Оглядевшись, Вася понял: из сарая ему не выйти. Но тут, приглядевшись, он заметил: дверь можно приподнять на петлях, надо только сделать рычаг. А в сарае полно было жердей.

Вася стал ждать, когда стемнеет. Ночь пришла, да только с луной – она как появлялась из-за облаков, так словно фонарь светила. Пришлось выждать. Как только луна скрылась за облаком, Вася дверь жердью приподнял, с петель снял и выбрался из сарая. Перебежками он стал передвигаться в сторону, где видел недоделанные заграждения. Часовые проходили совсем рядом, а луч прожектора, казалось, вот-вот обнаружит его. Но ему удалось выйти из охраняемой зоны и через кусты достичь леса. И тут он попал в объятия старшины.

– Мы уж готовились тебя выручать!

– Мне срочно нужен командир отряда! – ответил Вася.

Тот подошёл. Вася доложил ему, какая в посёлке мощная оборонительная система и что он слышал в разговоре немецких офицеров о наступлении на партизан.

– Вовремя ты появился! – похвалил его командир. – Не то были бы у нас потери. А теперь мы их встретим со всеми почестями! – и дал команду: кому на окраине леса вдоль дороги расположиться, кому в коровнике укрыться.

– Оружие держать в готовности, ждать утра! – приказал командир.

Утро пришло вместе с грохотом мотоциклов, на каждом из которых с полным боевым комплектом было по три фашиста. Все по команде фрица-офицера распределились вдоль дороги, готовясь войти в лес. И тут в них гранаты полетели, ударили по ним пулемёты. Враг метался, не зная, где спрятаться: и спереди, и сзади их находила смерть. Скоро немногие оставшиеся в живых немцы карательного батальона подняли руки – сдались.

Полиция расстреляли сразу, а вот немецкий офицер погиб в бою. Вася думал, что это он скошил его. Пленных оказалось много, все они были напуганы. Позже их отконвоировали в тыл.

Командир отряда поблагодарил всех с удачным боем и спросил Васю:

– Что случилось с пальцем?

– Да так, пустяк! – заверил тот, хотя и знал, что теперь ему никогда не быть музыкантом.

Никто из сослуживцев Васи не знал, что он скрипач, кроме того офицера, который командовал новобранцами.

В партизанском отряде медсестра перевязала ему палец. А Вася, чтобы себя как-то успокоить, написал письмо маме и Елене: «У меня всё в порядке. Война закончится, начну снова музицировать. Желаю вам здоровья!»

А война продолжалась. Врага всю гнали с нашей территории, уничтожая его живую силу и технику.

Однажды в отряд пришёл приказ из штаба. В нём говорилось, что прилетит самолёт, и все документы, захваченные у немцев, необходимо выслать в штаб, и сделать это должен Василий Родионов.

Ждать долго не пришлось: скоро самолёт приземлился на подготовленную площадку. Вася сел в самолёт. Полёт был спокойным – самолёт летел над уже освобождённой от немцев территории. На аэродроме к самолёту подъехали две машины. «Видно, это за документами», –

подумал Вася. Из одного автомобиля вышел знакомый офицер: только во время подготовки Васи к службе он был майором, а теперь уже стал полковником.

– Ну, здравствуй, Василий! – встретил его полковник. – Ты, как всегда, очень нужен! Поехали, по дороге всё расскажу.

И Вася узнал, что в городе расположился большой лагерь военнопленных, и нужно немцев опросить – кто чем занимался до войны и во время неё, чтобы потом некоторых отправить на восстановительные работы.

– Сами разрушали, пусть сами заново всё и строят! – изрёк полковник и продолжил: – Жить будешь в гостинице. Приведи себя в порядок, позже к тебе придёт парикмахер. Поменяешь гражданскую одежду на военную форму: ты же пограничник, капитан уже, и награждён орденами и медалями, с чем и поздравляю! Я не мог по служебным причинам сказать тебе об этом раньше. – И полковник пожал крепко Васе руку. И тут он увидел, что на левой кисти у Васи нет на мизинце фаланги.

– Что с тобой случилось?

И Вася всё рассказал.

– Я о твоей истории с пленением знаю, и как партизаны провели операцию – тоже. А вот о потере пальца нет. Как же ты теперь играть будешь? Победа не за горами, музыканты будут нужны!

Больше полковник ничего не сказал, но было видно, что он расстроен.

Приехав в гостиницу, полковник показал Васе его номер. Там уже висела выглаженная форма с погонами капитана и орденами. Утром Вася переделся, а потом к нему пришёл полковник.

– Ты выглядишь, как бравый офицер! – довольно произнёс он, и они поехали в лагерь военнопленных.

Там Вася вызывал по одному немцу и в присутствии полковника его опрашивал, а тот делал записи, куда кого направить. В одном из вошедших фрицев Вася узнал Ганса. И тот тоже узнал Васю. А увидев искалеченный палец Васи, только твердил:

– Извини! Извини!

– Этого музыканта я знаю, – объяснил полковнику Вася. – Встречались! Хороший скрипач. Ему нежелательно давать лопату: намозолит руки и станет плохо играть. Война скоро закончится, пусть едет в свою Германию и радуется всем своим искусствам.

Вечером Вася написал большое письмо маме, где признался родительнице, что любит Елену и хотел бы всех их крепко обнять. И впервые за всю службу он написал обратный адрес – полковник разрешил.

Дни пошли однообразные: днём – опрос военнопленных, вечером – отдых в гостинице. Однажды Вася пришёл к себе в номер, а там – Елена! Они кинулись друг к другу навстречу, обнялись, целуясь. Так их и застал полковник.

– Нет, так не положено! – пошутил он. – Вот когда поженитесь, тогда и целуйтесь!

– Мы согласны! – смеясь, ответили Вася и Елена.

Так и сделали: в свободное время сходили в ЗАГС и расписались. А полковник был свидетелем. Вечером отметили событие бутылкой шампанского, яблоками и виноградом, – всё это где-то добыл полковник. Это был счастливый день. Елена с Васей оставалась ещё месяц. За это время от немцев освободили всю Родину. Остатки врага бесчинствовали только возле границ.

И как-то полковник сказал:

– Ну что, капитан, прощайся с женой. Завтра отправляешься на поезде к западной границе. Скажу сразу, там будет тяжело: нужно будет вести бои и переговоры с недобитым, озлобленным врагом. Но тебе не привыкать. А о жене не беспокойся, я о ней позабочусь.

Всю ночь Вася разговаривал с Еленой – обо всём, кроме музыки. А она знала о случившемся, но не напоминала ему об этом и крепко держала его изуродованную руку в своей маленькой ладошке. Её больше пугало, что будет с Васей дальше.

Утром Вася попрощался с Еленой, долго прижимал её к груди, отдал честь полковнику, сел в кабину автомобиля, который за ним приехал, и поехал на вокзал. В вагоне он как лёг на лавку, так и спал день и ночь, пока его не разбудил проводник.

На границе Васю встретили. Он попал в знакомую обстановку, как в партизанском отряде: найти диверсанта, бандита или предателя, что зверствовали, уничтожая население. Это Васе удавалось, и через какое-то время врагов постигала заслуженная кара. Скоро на границе восстановилось спокойствие. Война закончилась. Германия капитулировала, а наша Родина праздновала победу.

Васе дали отпуск, и он со штабом командующего, летевшим в его края, вскоре оказался в родном городе, который не видел четыре года. Он остановился возле своего дома, постоял, поправил кирпич, который выпадал из стены, и, чувствуя, как стучит сердце, поднялся по скрипучей, давно не чиненной лестнице и постучал в дверь.

Первая его увидела Изольда:

– Вася! Да мы такого красавца давно ждём!

Затем вышел Иосиф:

– Нам тебя не хватало!

А затем и матушка с Еленой вышли на шум и бросились ему навстречу:

– Сыночек, неужели навсегда вернулся?

– Васенька, мы тебя каждый день вспоминаем!

Домой Вася прибыл в выходной, и все соседи были дома и готовили еду на общей кухонной плите. Решили праздновать его возвращение за общим столом, в большом коридоре. Все кастрюли с духовитым супом поставили на стол, расставили тарелки, разложили продукты из запасов, что получили по карточкам. Вася вытащил из вещмешка консервы и бутылку шампанского. На столе вмиг оказались рюмки, которыми не пользовались всю войну. Хороший стол получился! Разлили шампанское всем по рюмочкам. А тут вдруг и старшина Лёша пришёл. Теперь он уже был лейтенантом.

– Здравия желаю! – поприветствовал он всех. – Мне велено передать Василию посылку из Германии! – И протянул ему большой футляр.

Вася открыл его – а там скрипка знаменитого итальянского мастера и письмо: «Русскому музыканту от поверженного скрипача. С уважением, Ганс».

Вася с нежностью взял скрипку в руки, провёл ладонью по деке. А за столом все молчали. Они давно всё узнали от Елены.

И тут лейтенант Лёша произнёс:

– Надо выпить за Победу и за прирождённого офицера Родионова!

Мама Васи с дрожью в голосе сказала:

– Видно, сынок старается, чтобы у всех был хлеб с маслом!

А все соседи дружно провозгласили:

– Крепкого тебе здоровья, наш родной человек!

И тут Елена смущённо произнесла:

– У нас скоро будет сын. Он станет лучшим скрипачом!

А Вася радостно воскликнул:

– И назовем мы его Лёшей!

Осуществление мечты

Женя Лесин, закончив школу, поступать в техникум не стал. У него уже была профессия: он, когда учился, в свободное время приходил на работу к отцу, который трудился резчиком по дереву и работал на Всесоюзной выставке. Отец, когда вырезал что-то из дерева, говорил:

– Мне бы в храме «царские врата» сделать, что в середине иконостаса. Вот где раздолье мастерству: рельеф, горельеф, ажурная и плоская резьба!

Женя тоже загорелся этой мечтой.

Любопытные посетители выставки не раз заглядывали к ним в мастерскую, восхищались их произведениями. Но однажды, работая над резной колонной, Женя и его отец заметили, что никто не заглянул к ним в мастерскую. А идя домой, они увидели пустующую площадь. Тревожное чувство охватило их, и они остановили быстро идущего прохожего.

– Где все люди? Что случилось?

– А вы не знаете? Война нагрянула. Фашист-немец нашу границу перешёл. Бомбит!

Дома ждала ещё новость. Зарёванная мать сидела за столом, вытянув руки, а между ними лежали две повестки в военкомат. Там было написано: «Явиться завтра в восемь утра. Иметь при себе кружку, ложку и тёплую одежду».

Всю ночь отец и сын успокаивали мать:

– Война будет недолгой! Мы вернёмся. А пока возьмишь наши зарплаты на работе – для проживания!

Только под утро, сидя на стульях, они подремали, а проснувшись, уговорили мать не провожать их.

Возле военкомата народу было не счесть. Офицер, сверив всех призывников в списке, приказал сесть в кузов полуторки. Отец и сын оказались в разных машинах. Это произошло так быстро, что Женя даже не попрощался с отцом. А полуторки рванули друг за другом.

Ехали весь день, остановились в каком-то селении. Часть машин, в одной из которых находился отец, поехала дальше, а Женю с оставшимися призывниками поселили в пустовавшей школе. Они умылись, переоделись в пограничную форму, поели и по приказу офицера улеглись спать. На рассвете начались занятия. Их учили владеть оружием, приёмами рукопашного боя и работе с рацией.

После занятий призывникам разрешали гулять по посёлку. В нём кое-кто остался из местного населения, надеясь, что немца прогонят. Но всех детей с родителями отправили в тыл. Проходя мимо одной хаты, Женя увидел, как пожилая женщина с трудом колет дрова. К ней подбежала худая девушка, ровесница Жени, в лёгком розовом платице, отобрала топор и сама стала рубить полено. Но сил у неё не хватило его расколоть.

Женя вошёл в калитку и смущённо сказал:

– Здравствуйте. Я тут остановился в школе. Хожу, бездельничаю. Давайте я вам помогу!

Девушка улыбнулась и тихо ответила:

– Попробуйте.

Женя снял фуражку, расстегнул пару пуговиц на гимнастёрке, ухватил топор руками и лихо ударил по полену – и оно враз разлетелось на две половинки. Скоро возле сарая выросла большая поленница.

– Отдохните, – попросила его девушка.

Но Женя продолжал колоть дрова, наслаждаясь запахом дерева: он напоминал ему мирную жизнь.

Он и продолжил бы трудиться, если бы не зазвенел школьный звонок, служивший для них, курсантов, сигналом к началу занятий.

Попрощавшись, Женя надел фуражку, застегнул гимнастёрку и ушёл. Но потом он в свободное время стал приходить в этот дом и получше познакомился с девушкой. Звали её красивым именем Роза. А её мама относилась к нему как к сыну. Женя и Роза привыкли друг к другу и ждали свободной минутки, чтобы увидеться. У них даже случился первый в их жизни поцелуй.

Как-то начальник курсов, майор, вызвал Женю и отчеканил:

– Лесин, ты отлично прошёл обучение. Хорошо прыгаешь с парашютом, приземляешься точно. Тебе предстоит опасная и сложная работа с врагом – а он уже близок! – и улыбнувшись, сказал: – Я тебе сегодня разрешаю попрощаться с близкими людьми, а утром получишь задание и отбудешь на новое место!

Женя рассказал всё это Розе и добавил:

– Я тебя очень люблю!

Она вначале побледнела, а потом, схватив его за руку, повела к матушке, встала на колени, а Женя последовал за ней, и с дрожью в голосе проговорила:

– Мама, Женя меня любит, и я его тоже! Пусть он будет моим первым мужчиной. Благослови нас! А случится что – буду всю жизнь помнить проведённую с ним ночь!

Мать заплакала, вынула платочек с вышитой красивой каёмкой. Роза вытерла ей глаза и промокнула свои, затем платочек взял Женя... Эту ночь Женя и Роза провели вместе. А утром Женя поцеловал Розу, погладил ладонью по её распущенным волосам. Матушка Розы перекрестила его и сказала только одно слово:

– Возвращайся!

Женя с этого дня больше не появлялся в доме у Розы.

Начальник изъясил у него все личные вещи. Женя теперь не имел ни имени, ни отчества, только знал свой позывной и задание. Но платочек он утаил, при себе оставил.

Вечером Жене выдали снаряжение (и рацию тоже) и на машине повезли на аэродром. Небольшой самолёт уже стоял на взлётной полосе. Женя сел позади пилота. Самолёт загудел, разбежался и взлетел. Солнце уже ушло за горизонт. Летели они долго, то и дело проваливаясь в воздушные ямы. Когда пилот выключил мотор, паря в тишине, Женя увидел вдали внизу костёр.

– Пора прыгать! – прокричал пилот.

Женя поднялся и выпрыгнул. Немцы в этот момент осветили прожектором небо, словно почувствовали неладное. Но самолёт успел улететь, а Женя приземлился точно рядом с костром. Подбежавшие пограничники потушили костёр, разбросали головешки в разные стороны. Затем они сняли с Жени парашют, запихали под корягу растущего над рекой дерева, и все быстро побежали вдоль русла, чтобы не быть обнаруженными немцами.

В землянке партизан-пограничников он познакомился с командиром разведывательной группы.

Тот сразу предупредил:

– Предыдущий радист был убит на задании! Информации накопилось много. Но тут не передавать – засекут! Надо уйти как можно дальше с рацией. Пойдёшь с напарником!

Женя, даже не отдохнув, быстрым шагом пошёл с проводником в гущу леса, через овраги, буреломы. И в кустах на небольшой возвышенности настроил рацию.

Его пальцы, уже успевшие соскучиться по этой работе, непринуждённо стали выстукивать добытые разведкой данные о фрицах.

Когда Женя закончил, послышался звук немецкого самолёта. Но Женя с напарником были уже в чащобе.

Так и шла служба. Изо дня в день Женя передавал разведывательные данные, уходя как можно дальше от места базирования. А отряд передвигался за отступающими немцами, уничтожая их командиров и живую силу.

Женя не раз просился в разведывательную группу. Но начальник отряда его урезонивал: – Ты у нас и так герой: передаёшь данные о фашистах, не боясь смерти! Помогаешь армии – значит, всей стране!

Так прошло четыре года войны. Женя не раз доставал платочек из кармана гимнастёрки и вспоминал Розу. За это время он не получил ни одного письма. Да и все партизаны-пограничники тоже оставались без весточек.

И вот с фашистской Германией было покончено. Враг был повержен. Родина торжествовала. Женин отряд расформировали, демобилизовали, и всем выдали предписание: кому куда ехать.

Уже в поезде Женя узнал, что они проезжают мимо села, где он познакомился с Розой. Женя попросил машиниста притормозить состав. Тот пошёл навстречу, и, как только поезд замедлил ход, Женя подхватил рюкзак и выпрыгнул из вагона. Сослуживцы помахали ему на прощание.

В селе Женя увидел, что от школы и дома, где жила Роза с мамой, остались только фундаменты. Да и вообще не было ни одного уцелевшего дома. А в селе стояла зловещая тишина: людей не видно, и даже кошек и собак не было.

Женя стоял в растерянности: «И спросить-то некого», – и не знал, что ему предпринять.

– Эй, пограничник! – вдруг окликнул его кто-то.

Он оглянулся. На дороге стояла полуторка, в кузове которой сидели солдаты.

– Что застыл, как статуя? – спросил шофёр.

– Да вот – пришёл к невесте, а увидел одни головешки!

– Сам-то откуда?

– Из столицы.

– Так мы туда и едем. Считай, что тебе повезло!

И Женя запрыгнул в кузов.

По пути солдаты травили анекдоты, байки; стояли хохот и дым от табака. Но Женя ни разу не улыбнулся и думал: «Где искать Розу с мамой? Я ведь кроме имён ничего и не знаю».

Так, размышляя, он добрался до дома. Дверь открыл отец. Увидев возмужавшего сына, он обнял его, похлопал по плечу. А потом вышла в прихожую мама и обняла их двоих. В эту ночь они, как и в ту, когда уходили на войну, не спали. Говорили обо всём. Рассказал Женя и о любимой девушке.

Затем жизнь пошла своим чередом. Отец устроил Женю столяром на стройку. Сейчас было не до искусства, надо было восстанавливать народное хозяйство. Да и Женя решил ещё поучиться и поступил в Строгановское училище. Но его никогда не покидала мечта найти Розу. А матушка видела, как сын переживает, и знала про платочек, который он бережно хранил.

Когда Женя получил диплом, ему предложили поехать в далёкую западную глубинку – руководить восстановлением старинных задний.

Он увидел, что это место находится недалеко от села, где он познакомился с Розой, и согласился. Получив направление, на следующий день сел в автобус, который ехал прямо до места назначения. Гул мотора убаюкивал, и Женя, думая о новой работе, заснул. Разбудило его солнышко.

Город, куда он прибыл, удивил его. Красивые дома, асфальтированные улицы с зелёными газонами и с молодыми деревцами. Женя направился к зданию с вывеской «Администрация». Начальницы там не оказалось. Секретарь, извиняясь, ему объяснила:

– Она выехала на приём новой водокачки.

И Женя, оставив свои данные, пошёл посмотреть, что ему предстояло восстанавливать. Городок был небольшой, и то, что его интересовало, находилось на окраине.

Это был когда-то целый комплекс, но сейчас, казалось, уцелел только храм. А вокруг стояли небольшие жилые бревенчатые дома с занавесочками на окнах.

Женя вошёл в храм. Внутри всё сверкало, даже росписи сохранились. Но «царских врат» не оказалось, и церковной утвари тоже не было. Женя стоял в тишине и размышлял: «Работа большая, надо начинать с иконостаса. Вот наша с папой мечта и исполнится!»

Тут вошла пожилая женщина с мальчиком и спросила:

– Вы что-то хотели?

Женя рассказал, зачем прибыл.

Женщина с сожалением проговорила:

– Немцы всё, что возможно, вывезли. Я здесь давно и знаю, как тут всё было. А сейчас временами здесь прибираю. И если вам помогут для восстановления «царских врат» рисунки, они у меня сохранились.

Мальчик, который стоял и молчал, вдруг стеснительно произнёс:

– Мой папа тоже хотел сделать «царские врата». Он был резчиком по дереву. Мне так мама говорила!

– Этот мальчик – сынишка моей соседки, – пояснила женщина. – Зовут его Женя. Его мама просит меня иногда присмотреть за ним: в семье нет ни дедушки, ни бабушки – погибли во время войны. А папа как ушёл на фронт, так и нет о нём известий. А мама его – наша начальница. Мы любя зовём её Розочкой.

Сердце сжалось у Жени от предчувствия: «Это она, родная!»

– А сколько лет мальчику? – спросил он.

– Седьмой годок.

«Всё совпадает! – снова подумал Женя. – Именно столько я её не видел!»

Солнце уже стояло высоко, и яркие лучи его проникли через дверь в храм, осветив всё внутри.

И тут появилась Роза. Женя узнал её сразу. Да и он, освещённый солнцем, стоял на фоне росписей, как явившееся чудо.

– Женечка! – бросилась Роза к нему и, взволнованная, счастливая, глядя на сына, воскликнула: – Женечка, сыночек, это твой папа!

И тогда в храме раздался звонкий детский радостный крик:

– Па-а-па-а-а!

Он долгим эхом поднялся до самого купола храма.

А Женя обнял сына и долго вытирал глаза Розе – платочком с каёмочкой.

Будильник

Неподалёку от одного леса располагалось большое село – с огородами, с полями колосистой пшеницы. И со школой, которую закончил Петя Травкин. Когда это произошло, отец ему сказал:

– Вот поступишь в институт лесного хозяйства, подарю тебе наручные часы!

Он хотел, чтобы сын по традиции тоже стал лесничим. Петя с детства выходил с отцом на охрану леса, казалось, знал все деревья и кочки по всей округе и умел метко стрелять из ружья. А когда собирался с отцом пойти куда-то, заводил маленький будильник, и тот будил их, да так громко, что слышали все соседи. Казалось, будильник всех вразумлял: «Жиз-знью! Жиззнью дорож-жи!»

А Петя очень хотел узнать: «Интересно, для чего в часах такой говорящий звонок?»

И как-то, сдав вступительные экзамены в институт, он разобрал будильник и, ничего там не обнаружив, собрал как было. Но с тех пор будильник стал звонить, как заблагорассудится, но только не в определённое время. Отец, обнаружив это, рассердился:

– Хотел я тебе, сынок, часы подарить в честь поступления в институт, но раз так – бери этот будильник и носи вместо наручных часов!

И добавил:

– Хотя и в сломанном виде будильник мне дорог – он твоему дедушке принадлежал, моему отцу. Он во время Гражданской войны отобрал их у неразумных детей, что играли часами в футбол. А сами часы – из особняка сбежавшего за границу графа.

Петя безропотно взял будильник и завёл на утро, чтобы не проспять в институт. Но всех разбудило известие по радио: «На нашу Родину вероломно, без объявления войны, напал враг!»

Началась война. И она была близко – село было рядом с границей. И как-то в село приехала полуторка. Из неё вышел офицер и обратился к встревоженным жителям:

– Все со скотом покидайте село! Лесничий покажет, куда идти. А совершеннолетнюю молодёжь прощу в машину!

Петя поцеловал матушку, отца, положил в карман будильник. А соседка – немка и преподавательница немецкого языка – ему по-немецки пожелала:

– Возвращайся!

– Вернусь! – твёрдо пообещал Петя, тоже на немецком. Он хорошо знал этот язык.

А затем вместе с остальными новобранцами Петя запрыгнул в кузов машины, и она рванула к вокзалу. Когда они уже подъехали, над ними низко пролетел самолёт со свастикой на крыльях.

Офицер скомандовал:

– Машину остановить! Всем спрятаться под вагонами с брёвнами!

И только все укрылись, как самолёт вернулся и на бреющем полёте разбомбил машину вдребезги. Никто из новобранцев не пострадал, только Петин будильник вдруг громко зазвенел: «Жиз-знью! Жиззнью дорож-жи!»

А потом новобранцами пополнили отряд пограничников, которые организовались в партизанский отряд. Они были рады пополнению, а особенно Пете Травкину, знающему немецкий язык.

И вот у него началась партизанская жизнь.

В отряде уже были раненые, воевавшие с фрицами, и командир отряда приказал Петру:

– Оставь свой будильник в лазарете. Пусть звон напоминает раненым о доме!

Петя так и сделал, а потом начал участвовать с отрядом в захвате немецких продовольственных обозов, в уничтожении техники и живой силы противника. Фашисты за отрядом

пока особо не охотились: им важно было идти вглубь нашей страны. И партизаны продолжали воевать в тылу врага.

Однажды командир приказал двум группам из трёх пограничников разведать месторасположение немцев и встретиться в назначенное время. Для этого он велел Пете взять будильник.

А о часах раненые поговаривали:

– Как зазвонит – «Жиз-зньо! Жиз-зньо дорож-жи!» – враз начинаешь поправляться!

Взял Пётр родные часы, расцеловал от радости и утром, собрав всё необходимое снаряжение, завёл их на всякий случай. А потом с группой партизан пошёл в назначенное место.

Они залегли в кустах возле дороги. Вскоре с грохотом проехали немецкие танки. А через какое-то время на дороге появился чёрный лимузин. Разведчики выскочили ему наперерез, и шофёр машинально затормозил. В машине кроме шофёра оказался растерянный немецкий офицер.

Пётр отчеканил на немецком языке:

– Вылезайте! Вы пленники!

У офицера был большой кожаный портфель, который он судорожно держал в руках, твердя:

– Не убивайте! Я знаю важную новость: через сорок минут по железной дороге пройдёт состав – это в Германию повезут пленных девушек для разных работ!

«Через сорок минут? – с горечью и сожалением подумал Пётр. – Сил не хватит и времени нет для их освобождения».

Но тут подошла ещё группа пограничников, и Петя решил:

– Один из вас ведёт офицера на базу, а остальные едут выручать заключённых! – и обратился к шофёру: – Хочешь жить, вези, куда скажу!

Партизаны запрыгнули в машину. Возле моста они остановились, подожгли дымовую пашку, а сами расположились вдоль полотна железной дороги. И всё вовремя сделали: поезд приближался, а машинист, заметив дым, остановил состав.

– Вы окружены! – прокричал Пётр на немецком языке и вышел из кустарника, продолжая кричать: – Дорога впереди и позади поезда заминирована! Погибать вам ни к чему. Сдавайте оружие, освобождайте пленных и поезжайте, куда хотите!

Какой-то фриц на поезде развернул пулемёт в сторону Петра, но тут громко разнёсся звон будильника: «Жиз-зньо! Жиз-зньо дорож-жи!»

Настала тишина, а затем немцы стали бросать оружие. Партизаны кинулись к товарным вагонам открывать засовы. Все девушки выпрыгнули на насыпь. А поезд медленно тронулся.

Девчат было не менее ста, все ровесники Петра или моложе, худые, немощные, а одна из них, с перевязанной тряпкой ногой, хромала.

– Быстро все за мной! – скомандовал Пётр и повёл их только ему ведомой тропой через овраги и чащобу в отряд.

В партизанском отряде девчата привели себя в порядок, а так как не ели два дня, съели все запасы еды.

А Пётр нашёл хромящую девушку и отвёл в лазарет. Рана на ноге оказалась неопасная.

Вскоре командир отряда дал указание:

– Травкин, завтра с утра переправишь девчат и пленных немцев в другой район, там вас будут ждать наши. Сделай так, чтобы фрицы не проследили твой маршрут.

Солнце ещё не взошло, а Пётр уже поднял всех и проинструктировал:

– Когда пойдём по болотам, идите за мной след в след. Немцев поведёт позади охрана из пограничников. А девушку с травмированной ногой я сам перенесу через болота.

И только начались болотистые места, Пётр подхватил девушку на руки и двинулся по местам, не раз пройденным с отцом. Девушка ухватила его за шею, и Пётр почувствовал мягкие её ладони, а она от него – запах дыма от костра. Для неё это было приятным ощущением.

Солнце находилось уже высоко, когда все вышли на сушу. Там уже ждали красноармейцы. Пётр опустил девушку на землю, а она сняла со своей шеи серебряную цепочку с маленьким крестиком и произнесла:

– Носи цепочку, а крестик пусть тебя не смущает, его никто не заметит. Он исполнит твоё желание.

И застегнув цепочку Пете на шее, она ушла с остальными девчатами и красноармейцами.

На следующий день партизанский отряд обложили немцы. Силы явно были неравны. Но партизаны решили дать бой. И тут неожиданно зазвенел будильник, и его звон разнёсся по лесу: «Жиз-знью! Жиз-знью дорож-жи!»

Немцы, что были ближе к отряду, остановились, и кто-то из них произнёс:

– Это звенит будильник, дарующий жизнь!

И они обошли отряд.

В этот день партизаны сменили свою дислокацию: ушли глубже в тыл врага.

Ещё несколько лет Пётр воевал с фрицами, уничтожал фашистскую технику, захватил множество «языков». А как-то, узнав, что идёт большой вражеский состав с боеприпасами, он заложил под рельсы взрывчатку на повороте. Сам залёг с прибором дистанционного управления взрывом за большой валун. Вначале проехала небольшая дрезина: видно, проверяла железнодорожный путь, а за ней, тяжело пыхтя, двигался поезд, весь зачехлённый брезентом. И только половина состава проехала поворот, Травкин крутанул ручку. Земля вздрогнула, боеприпасы в поезде сдетонировали, и состав взлетел на воздух. А один снаряд вдребезги разнёс камень, за которым находился Пётр. Последнее, что он услышал, – звон будильника: «Жиз-знью! Жиз-знью дорож-жи!»

Петра перевозили из госпиталя в госпиталь; в нём оказалось огромное количество каменных осколков, за что его прозвали «каменный солдат». Лечили его долго, а потом, уже здоровым, демобилизовали. В тот же день по радио сообщили, что война с фашистской Германией закончена и враг повержен навсегда.

После войны Пётр часто вспоминал девушку, что подарила ему цепочку. Временами он заботливо протирал её бархоткой. А будильник пропал, и Петя очень об этом сожалел.

А часы каким-то образом оказались в далёком городе, где проходил аукцион антиквариата и одновременно выставка картин. И вдруг одна из художниц услышала звук будильника. Он был ей знаком, и она поспешила на голос аукциониста. А тот рассказывал:

– Этими часами раньше владел известный граф. Он заказал их в Швейцарии – для своей больной графини, чтобы каждый раз, когда звонит будильник, она слышала слова: «Жиз-знью! Жиз-знью дорож-жи!» И графиня дожила до самой старости.

Тут девушка взволнованно произнесла:

– Эти часы спасли жизнь не только графине, но и многим воинам нашей Родины и даже врагам!

Торги приостановили, и девушка рассказала всё то, что знала о часах. А также о том, что ищет нынешнего хозяина часов. Ей дали адрес, и она, купив часы, с радостным чувством поехала к своему спасителю.

Но дверь ей открыл незнакомый мужчина. Девушка рассказала о причине своего визита и показала часы:

– Да, это мои часы, – ответил небрежно мужчина. – Я во время войны был санитаром и нашёл их в пустом кузове машины.

Девушка огорчилась. Но с этого момента, куда бы она ни шла, будильник находился с ней, и временами она его заводила. Он напоминал ей те незабываемые времена. Друзья девушки знали об этой истории и, чтобы отвлечь её, посоветовали:

– Поедем в далёкий посёлок, возле границы, там интересные места. Есть где заняться живописью.

Вечером художница и её друзья сели на поезд, утром уже были на месте и пошли снимать номер в гостинице.

– А я пока съезжу на окраину, посмотрю, какая там природа! – сказала девушка друзьям.

Когда девушка приехала за город и сошла с автобуса, то обрадовалась, что оказалась здесь: колосилась, переливаясь в лучах солнца, пшеница; стояли уютные, окружённые жёлтыми подсолнухами домики. А неподалёку был лес, он казался густым, непроходимым. И тут из него вышел мужчина в брезентовом плаще, с ружьём за плечами. Впереди него бежала маленькая собачка, которая тут же бросилась к девушке, чтобы поприветствовать. Подошёл и мужчина – высокий, статный. Увидев мольберт, он заинтересовался:

– Художница?

– Да! – ответила девушка.

– Ну что ж, рисуйте! У нас тут места интересные, а я мешать не стану. Если захотите попить, отдохнуть – прошу в гости! – и он рукой указал на дом, стоящий неподалёку.

Затем скинул плащ и собрался уходить. И девушка вдруг заметила у него на шее свою цепочку. От удивления у неё вырвалось:

– Это моя цепочка!

И тут громко, заглушая шелест колосьев пшеницы, раздался звон: «Жиз-знью! Жиз-знью дорож-жи!»

– А это мой будильник! – не менее удивлённо воскликнул мужчина.

И тут они всё поняли и узнали друг друга. И более радостных людей никто никогда не видел.

– Пойдёмте ко мне! – предложил Пётр. – Порисовать ещё успеете!

И добавил:

– Вам сейчас же надо знакомиться с моими родителями, да и со мной получше! – и он подхватил мольберт.

А девушка, взяв его под руку, счастливая, пошла рядом. И как тогда, во время войны, почувствовала приятный запах костра.

И вскоре все сельчане говорили:

– Если бы у всех людей были такие будильники, то никаких войн никогда бы не произошло и все бы счастливо жили!

Маленькая история из большой жизни

Когда закончилась гражданская междоусобица, народ стал возвращаться к мирной жизни. Витя, семилетний мальчик, готовился пойти в школу, которая была в его посёлке. Он позавтракал – выпил чаю с любимыми сырниками со сметаной, приготовленными мамой, взял портфель с букварём, тетрадь, карандаши и вместе с папой отправился в школу, размахивая портфелем.

В классе Витю посадили за парту с худенькой, меньше его ростом девочкой. Вначале он не очень обращал на неё внимание, но когда она стала выводить карандашом в тетради показанные учительницей буквы – левой рукой, он удивился и сказал:

– Надо писать правой рукой!

– А я только так умею, – ответила девочка.

Учительница тоже хотела ей помочь, но увидев, что это бесполезно, отстала. А на перемене одноклассники стали над ней насмеяться. Витя был крепкий мальчик, вступился за девочку: одного потряс за грудки, потом другого. И после этого никто не решался смеяться над ней. А после занятий они пошли вместе, так как им было по пути; только девочка жила ближе к школе. Всю дорогу они шли молча, но когда подошли к дому девочки, та, открыв калитку, сказала:

– Меня зовут Мила Кошкина!

– А меня Витя Верный!

С этого дня, идя в школу, Витя всегда встречал Милу возле её дома. Учились они оба хорошо, а Мила всегда чувствовала, что находится под защитой друга. Кому-то давали прозвища, но им – никогда! Дружбу Вити и Милы уважали и говорили про них:

– Они как иголка с ниткой!

В седьмом классе Мила усердно стала заниматься в спортзале. Витя не отставал от неё и тоже лихо выделял всякие упражнения – то на турнике, то на брусьях.

Тем временем Мила стала быстро расти: в десятом классе она была уже на голову выше Вити, а её силе могли позавидовать многие мальчики. Она даже лихо справлялась с тяжёлыми гириями. Витя и Мила с юмором относились к этому, и их дружба продолжалась.

Когда они закончили десятилетку, оба поступили в давно выбранный ими университет геодезии и картографии. Они с удовольствием учились пользоваться приборами геодезистов, составлять карты. Хватало времени заниматься и вождением автомобиля, и спортивной стрельбой – причём Витя и Мила поражали инструкторов своей меткостью.

Однажды кто-то из студентов тихо высказался:

– Ухажёр-то у неё – гномик!

Володя не слышал этого, не то проучил бы насмешника. Но зато услышала Мила. Она подошла к обидчику, ухватила его за ремень и подняла, словно бросить хотела. И отпустила, когда ей показалось, что тот со страху дышать перестал.

В институте их уважали, за дружбу и отличную учёбу. И может поэтому, когда они закончили институт, их вдвоём, как специалистов, определили в пограничные войска на западную границу. Обучали Витю и Милу военному делу мало – они и так уже были подготовленными бойцами. Для работы с картами им дали светлое помещение, а поселили в разных местах. Витя жил с пограничниками в казарме, а Мила – с медсёстрами.

– Какие вы высококвалифицированные специалисты! – довольно говорил командир. – Вам даже шофёр не нужен, сами можете ездить! – и дал им указание, где провести очередные исследования на местности.

Витя и Мила загрузили в кузов машины необходимое для работы снаряжение и поехали – сначала по дороге, а потом по лесной просеке.

Остановились они возле оврага, на противоположной стороне которого была чащоба. Там они и должны были обследовать территорию и нанести всё на карту. Витя взял тахеометр, вошёл в овраг, поднялся на противоположную сторону – и пропал. Не слышно было от него ни свиста, ни оклика – так они обычно общались, когда не видели друг друга в лесу.

От плохого предчувствия у Милы сжалось сердце. Поправив кобуру с пистолетом, она осторожно, но быстро бросилась туда, где исчез Витя. Там, где он должен был находиться, его не оказалось; кусты вокруг были поломаны, трава примята: видно, он сопротивлялся кому-то. Тахеометр валялся в стороне на земле, треножник был сломан, и от него тянулся след примятой травы.

Мила пошла по следу, который привёл её к огромной куче валежника, с одной стороны упирающейся в дерево. Казалось, ничего необычного – лесной мусор. Но Мила каким-то чутьём определила: здесь лаз, логово врага. В этот момент она была страшна. Гимнастёрка на ней распахнулась, лицо белое. пилотка упала, зацепившись за ветку, и волосы на голове рассыпались.

Она сапогом расчистила вход, замаскированный валежником. Там оказалась землянка. Диверсанты, а это были именно они, увидев Милу, опешили. Этого мгновения ей хватило. Двоих она ухватила и стукнула головами, а третий, сидевший за рацией, так и застыл в оцепенении.

Обезоружив всех, связав диверсантам руки проводом, Мила подошла к лежащему Вите. Он был ранен ножом в ногу и, очевидно, потерял много крови. Мила нашла аптечку и перевязала его. Затем на одного из лазутчиков повесила рацию, на другого навьючила рюкзак с оружием и карты, найденные в логове. Витю понесла сама. По дороге Мила подобрала пилотку, а тахеометр заставила тащить третьего бандита.

Диверсантов Мила уложила в кузов, связав им ноги, Витю посадила рядом с собой и рванула в погранотряд. Там она сразу доложила о случившемся начальнику отряда и, снова взяв Витю, понесла его в лазарет.

Захваченные диверсанты оказались немцами; они изучали дислокацию частей Советской Армии и при себе имели схемы, карты и план нападения Германии на нашу страну. Это помогло пограничникам подготовиться, и не оказаться застигнутыми врасплох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.